

14-2008-01

Моника ГРАТ СССР

«...Просто вы не знаете, что такое театр. Выявят сложные машины на свете, на театр сложней всего...»

М. Булгаков, «Гвардейский роман».

Давно ли вы там были? А так ли уж хотели бы попасть? Ведь известно, что ни, Большой театр, давая билет, в труппе — склады, звезд сманили за рубежом, да и вообще Большого театра у нас скоро не будет, его иностранцы раскупают по частям — слышали? И газеты об этом твердят, и телевидение. Сведения о Большом театре сами мрачные, в духе, так сказать, армян: плохо всюду, во всем, везде, и Большой — не исключение.

А вот, говорят, раньше... И класика на сцене шла, и без напих-либо выкрутасов. Великие артисты ни в какую загранику не рвались, счастливы были своим отечественной культуре, входили в Большой, как в храм — такое было в них к нему отношение, такая атмосфера.

На уж и их чтили, забавлялись в них, отмащали заслуги, шедро гонорары выплачивали. А какой в Большом был быт? Широкие сваяшки, Вутерброды с икрой — навалом. И без давки. Публика умела себя вести, уж в майках во всяком случае никто не появлялся.

Да брасты! А театры в Большом никогда не была творческой. Вот уж действительно имперский театр. Парадная вывеска тоталитарного режима. Артисты в на положении крепостных.

Дух самый консервативный. И все началось все — неправда. И не могло иначе быть, когда в ложе Усатый сидел, и асладу охрана, ступачи, а наши славные, «нарядные», на приемах, в правительственных дачках, мяслях, растянулись от подбасурства, не упущая между тем возможности шепнуть в начальственных ушко гадости о сопернике.

В таком случае был ли у Большого расцвет? И в чем еще особенность Большого — он все же, состояние общества на данный момент. Соответствует нам, его посетителям. Каковы мы — таков наш Большой театр.

30 июня 1972 года. Вечер в Большом театре, посвященный 70-летию Сергея Яковлевича Лемзена. На сценке: Николай в роли Ленского в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Рядом с ним Галина Вишневская (Татьяна) и Тамара Ситникова (Олеся).

Да не было расцвета, — говорит Борис Александрович Покровский. — Это так считает Покровский, и, пожалуй, такой явственно, что ни в какие рамки не вместишь. Большой есть и будет, чтобы вокруг ни происходило. У него поступь своя...

Покровский сам — явление, не поддающееся обычным меркам. Его бунтарство, «взроставшее» неурядице в годы не сморгал, ни заснул, помет. Для него нормальное состояние — риск. И, кажется, они должны быть друг другу противопоказаны, такой режиссер и такой театр. Традиции — вот основа Большого, его слава. И вместе с тем таракан. От рождения Большому именно слушать образование, эталоном. Он не в драме ошибаться, не смеет сделать ни шага в сторону, но без движения, без развития — смерть. А его долг — жить вечно.

Так считает Покровский, и, пожалуй, такой порядок единственно верный, позволяющий ему самому сохранить и Большому славу — долгие любовь, без замигания и без обид. На все сумели. И в том, что мы знаем о Большом, это тоже слышится, и гордость чужда, и чужда горечь. Большой в сгуде критиковали. Без имени — правда, разумности, но недовольства постоянно возникали. Репертуар не удовлетворял, то шел крик в сторону зарубежной классики, в отечественная на задворки отнесения, то выдвигали образцы мировой культуры, без которых упустили репертуарный баланс, то современность не допускалась и начисто вешать затасовство, то в погоню за новинками проникла второстепенность — словом, не справились Большой с теми требованиями, что к нему предъявляли. Сменились, сменили его руководители. Убыли, изгнали главных директоров. Голованов, Павловский, Самсонов — их всех поочередно увольняли, все они в чести, считались, не достигали, хотя, как признавалось позднее, изгнанными были несообразно, и изгнаны оставили в Большом глубокий след, и изгнаны — потом — вспоминались восторженно.

Но лица они были, действовали, их смрали. Причем действительно на сцене, не по чьей-то угадке, а интуиции, в недрах своего театра. Никто из них не обладал такой безмятежной промеренностью, как сам Большой. И все, что служило ему верой и правдой, а пахучая, окаянная обманщица. Почти без исключения, и почти без исключения, все ему поклонялись. Служил тогда, если вставала в явных гвардиях, что лучшей порой Большого было время их и нему прикрасности, духа они перил, тащивших на его спине.

Лучшей порой оказывались и те разы, когда выступала, в присутствии его, Бетховен. В молодости, а еще лучше — в детстве. Он, Большой, заворачивал, подвигал, возмущал, вспыхивал, и ничем не мог избежать нишаный трепет не давал замечать никаких обид, что и да и слышались, все же полно, как нем испытывались только при полном доверии.

Это был о. Большой театр был. Он не миф, не легенда и никогда не попытка приурочить ваде прошлое, от которого мы уже готовы отвернуться, отказываться. Он был, несмотря на все несправедливости, жестокости и коварство времени, отступиве свободы и покоя, неуверенности в завтрашнем дне, гнусность быта, предательства, душевные извращения, лживость, двойственность — был, вопреки всему измененному и благодаря тем чинам и тем качествам, что отказывались в людях даже в самые неславные времена. Был — как отчужден, как предан, нужда в котором никогда не провадет. Был — как свидетельство героизма, самоотверженности нашей интеллигенции. Был — как доказательство зрелости усилки предшествующих поколений, как свидетельство наших колорий и состоятельности, полноценности существования наших родителей, о которых мы судим не всегда справедливо, упрощая их жизненный опыт, чем объединял их, и себя.

И в чем еще особенность Большого — он все же, состояние общества на данный момент. Соответствует нам, его посетителям. Каковы мы — таков наш Большой театр.

БОЛЬШОЙ ТЕАТР НЕ ХОЧЕТ МИРАТЬ

В ТРИДЦАТЕ ГОДЫ страна гордилась Большим театром, хотя и несколько преувеличенно, с надирными парфосом, характерный для той эпохи. Гордость порой нахлынула и неуверенности, и страх. «Чувство законной гордости» предвещало как пропуск, документ, свидетельствующий о лояльности, преданности. Тем не менее слава Большого, если бы не поддерживалась, искорости бы поглотила. Но в тридцатые, сороковые, пятидесятые годы режим, принесший стране столько бед, содействовал процветанию Большого: держава, имеющая такой театр, могла претендовать на уважение мировой общественности. Большой использовался системой как козырький туз. Без этой поддержки, крупных государственных вложений и, как мы знаем, личного интереса руководства

Словес в клетке. Потребность видеть мир, нормальная, естественная, может стать болезненной, мучительной, если человек ее игнорирует. Так было, например, с Булгаковым. Для артиста же, если его наслади на одном месте удерживать, искажения происходят в самой его природе. Ведь артист не живет бурляем, повторяю. Он жидает вновь и вновь обогатиться, похвалу за, каждый раз новый, а новых условиях. И конкуренция ему нужна, обостренное состояние соперничества. Большой же оказался для наших артистов клеткой, пусть и золотой...

К сожалению, что при первой возможности — с 1917 года — Распался, распался был театр. Причем не только звезды по контрактам устроились, но и «мосты» постоянно

«Звезды» Большого

А. Ш. Мелик-Пашаев. Г. С. Уланова. Н. С. Ханая. В. В. Барсова.

страны театр с таким размахом не разворачивался бы. А уж в методах его возобновления, обновлениях явны, режим обнуления Саша Стыль... Трудно теперь представить, как чувствовали себя артисты в учреждении, где «шпаны», полугероному выражались, проносились настоящие переды значительных гостей ну разве что не обывателями. А впрочем, и такое бывало... Иван Семёнович Балашов, в мире, обманывали как-то о немом помещении, без окон и дверей, где его продрогали сильнее — он на помин, при таких обстоятельствах? — ясно не говорит, будто до сих пор, спустя почти полвека, не живя тогдашней потребности. А ведь уж Иван Семёнович был из любящих, из самых приближенных. Студия лично о проблемах творчески с ним беседовал, о театральном, снамем, образе Леонгарда. И, с другой стороны, Балашов, артиста, омышая в числе приглашаемых, вдруг узнала, что Иван Семёнович промолчал не без вывоза. Но, спустя недолго, вспоминает, как однажды на правительственной даче, в присутствии его, Павловского, вопреки женщины, артиста, омышая в числе приглашаемых, вдруг узнала, на молнии переломком. «За брава молчан»... Искусственный смех.

Помнят же зрителям удержала другие — высочайшее качество тогдашних спектаклей. И успех был связан не только и не столько данью с участием звезд первой величины, сколько с работом всего коллектива. Хор, оркестр, кордебалет — вот что дарило шарму Большого. Тут, как правило, сценаристы были выдающе, пол в более чем... Но ведь затуманены, там более коллективный, всегда имеет конкретный источник: состоит в труппе Большого театра считалось в ту пору огромной частью, вершинной карьеры, что исходило и моральное, и материальное подтверждение. Большой, в своем деле существовала как единый организм. Именно этого, именно интересов, обладали ни у кого не должно было возникнуть. И не только. За «железным занавесом» патристичзм воспринимался просто.

Именно сталинская эпоха сделала Большой театр придворным. Казнили и миклована, как не осмеливались при царе. По эвонку о т т у да тубойюююю артисты подхаживались — готовность номер один, — и вот уже мчаж их автомобиль ублажать сильных мира сего...

Ивану Семёновичу Колосовскому переваляло уже за давностью, во что поверить немисливо, глядя на него, статного, в крадильной сорочке, в гласуно-бабочке. Ошисторение успеха. И скрывности, в которой угадывается горечь.

— Иван Семёнович, а правда, что вы никогда за границей не бывали? Почему? Не выпускали? — Сталин спрашивал несколько раз: а если поедешь, вернешься?

— Ну? — Проверить так и не довелось... Но если бы поехал, то не накоротке, чтобы уж как следует оглядеться... Фигарноню жужил бы...

Видя его сдвигаясь деловым, ублажившим, и наблюдая что было тоскливо. То, что у него тогда, зная награды не могли возместить.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

14-2008-01-15